

8. Сологуб Ф. К. Мелкий бес [Электронный ресурс] / Ф.К. Сологуб, 2002. – Режим доступа: <http://lib.ru/RUSSLIT/SOLOGUB/bes.txt>.
9. Сологуб Ф. К. Тяжелые сны [Электронный ресурс] / Ф.К. Сологуб, 2003. – Режим доступа: <http://sologub.narod.ru/novels/tiazhelyesny.htm>.
10. Суворова И. В. Концепция «естественного человека» в прозе М.П. Арцыбашева: автореф. дис. канд. филол. наук: спец.: 10.01.01 «Русская литература» / И.В. Суворова. – Тюмень, 2007. – 21с.
11. Уайльд О. Стихотворения. Портрет Дориана Грея. Тюремная исповедь / Оскар Уайльд . – М.: Художественная литература, 1976. – 768 с.
12. Rojas A. “Generating Degeneration: The Paradoxical Movement of Decadent Narratives” [Электронный ресурс] / Ana Rojas // The UCI Undergraduate Research Journal. – 2000. – P. 45 – 53. – Режим доступа: http://www.urop.uci.edu/journal/journal00/pagemaker_pdf_export/05_ana.pdf.

Надійшла до редколегії 15.05.11

УДК 82.0: 316.74

Е. Г. Иванцов

г. Днепропетровск

ПОСТРЕЦЕПЦИЯ ЧТЕНИЯ: ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ОБРАЩЕНИЯ ЧИТАТЕЛЯ К ХУДОЖЕСТВЕННОМУ ТЕКСТУ

Розглядаються можливі посткомунікативні результати читання художнього тексту та їх диференціація.

Ключові слова: пострецепція, мотивація, диференціація, читання, сприйняття.

Рассматриваются возможные посткоммуникативные результаты чтения художественного текста и их дифференциация.

Ключевые слова: пострецепция, мотивация, дифференциация, чтение, восприятие.

The possible postcommunicative results of literary text reading and its differentiation is discussed in the article.

Keywords: postretsepsiya, motivation, differentiation, reading.

Актуальность поставленной проблемы обусловлена интересом литературоведения, социологии чтения к проблемам восприятия художественного текста как на стадии мотивационного выбора книги для чтения, так и возможных результатов, возникающих после его прочтения. Цель данной статьи состоит в обобщении и дифференциации возможных результатов посткоммуникативных результатов чтения художественного текста. Данная цель предполагает решение следующих задач: дифференцировать возможные посткоммуникативные результаты чтения и рассмотреть их в связи с конкретными фактами функционирования художественных текстов; обобщить как имеющиеся в науке о литературе дефиниции пострецепции, так и предложить оригинальные.

Перспективы изучения пострецепции чтения связаны с актуальностью проблемы читателя в историко-литературном, социокультурном контексте конкретного времени, в котором читатель является важным субъектом литературного процесса. Мотивации чтения выступают как предрецепционное звено в акте чтения, часто определяющие, характеризующие процесс освоения художественного текста. Не менее значим, интересен, на наш взгляд, и пострецепционный результат, выраженный в обобщенном понятии

«удовлетворение», которое мы предлагаем дифференцировать и подразделять на: эстетическое удовлетворение, катарсис, суггестию, обсуждение поступков и извлечение примеров, расширение кругозора, эмоциональную разрядку, эвристическое удовлетворение.

Эстетическое удовлетворение – одно из специфических свойств восприятия искусства. Любой художник стремится к созданию произведения по законам красоты, гармонии, целесообразности, т. е., как замечает М. Науман, «любой процесс эстетического производства непременно включает в себя и момент эстетического воздействия» [5, с. 171]. Пострецепционное эстетическое удовлетворение предполагает, на наш взгляд, несколько важных моментов и в самом процессе чтения: текст должен быть выстрадан, осознан и рожден в акте творчества, «заряжен» эстетическим потенциалом, который связан с писательским даром автора, с его изобразительным мастерством, с силой его воображения, а образы, почерпнутые из жизни, способны доставлять множество высоких удовлетворений с помощью эстетических чувств; читатель должен быть сотворцом, внимательным и заинтересованным интерпретатором автора, ибо если прединформированность читателя окажется значительно выше сообщения художника, если читатель не получит нечто новое, превышающее его ожидание, то он останется равнодушен к прочитанному тексту или будет испытывать отрицательные эмоции: разочарование, скуку, раздражение; чтение не должно быть механическим процессом, поверхностным, скорым. Без этих составляющих пострецепционный результат прочитанного не окажет эстетического влияния на читателя, не доставит ему удовлетворения.

Тематика, жанр произведения, гипотетически предполагающие пострецепционное эстетическое удовлетворение, могут быть различными, но необходимыми составляющими текста должны выступать стилистическая оригинальность, совершенство формы и содержания, психологическая глубина, достоверность персонажей и другое. Не всякий литературный текст может соответствовать пострецепционному эстетическому удовлетворению, не всякий читатель способен его переживать после акта чтения, ибо многое зависит от таланта конкретного автора, как, впрочем, и от таланта читателя. Для того, чтобы пострецепционное ожидание было адекватным пострецепционному удовлетворению, важен, несомненно, эстетический опыт читателя, к проблеме которого в отечественном литературоведении обращался Ю. М. Лотман [4], И. П. Ильин [3], в западном – Х. Р. Яусс [7, 9], В. Изер [8] и другие. Так, Х. Р. Яусс полагает, что через эстетический опыт читатель способен открывать новые значения в тексте, через фантазию «переселяться» в иные миры, избавляясь, тем самым, от гнета времени.

Пострецепционным результатом прочтения литературного произведения может быть и катарсис. Возникновение этого понятия, как известно, связывают с Аристотелем и его учением о древнегреческой трагедии. Позже к катарсису как эстетической реакции читателя или зрителя на творение искусства обращались многие западные (Т. Лессинг, Э. Мюллер, Э. Целер, П. Шильдер и др.) и отечественные писатели, литературоведы (Д. Н. Овсяннико-Куликовский, А. А. Потебня, Л. С. Выготский и др.) По-разному они трактуют специфику и

особенности катарсического воздействия, вызываемого литературой в читателе. Однако выводы теоретических рассуждений в конечном счете сводятся к понятию аффектов, которые «подвергаются некоторому разряду, уничтожению, превращению в противоположное, <...> т. е. к сложному превращению чувств, <...> в высокое и просветляющее ощущение легкого дыхания» [1, с. 204-205].

В нашу задачу не входит подробный анализ различных представлений, мнений о природе и сущности катарсиса, поэтому остановимся, на наш взгляд, на главном. В первоначении катарсис (от греч. κάθαρσις – возвышение, очищение, оздоровление) означает *очищение* через душевную разрядку, испытываемую читателем, предрецепционное ожидание которого может быть связано с установкой на сопереживание или переживание, сводимым как бы в конечной точке к аффективным смыслам: состраданию, отчаянию, страху, ужасу и т. п. Текст, содержащий драму (личную, семейную, общественную и др.) способен оказывать на читающего поглощающее эмоциональное, чувственное воздействие, разрешающееся катарсисом. Аффективные реакции относительно кратковременны, но к ним способна приводить деятельная фантазия читателя, переживаемая как реальность. Социальная мелодрама, семейная драма, детектив или роман ужасов могут вызывать эмоции, соотносимые с понятием «катарсис». Многое, несомненно, зависит как от конкретного литературного материала, его «качества», так и от конкретного читателя, его жизненного опыта, интеллекта, психоорганизации. Откровенно слабое в художественном отношении произведение может вызвать у читателя аффективные реакции в силу, к примеру, переклички изображенной в нем ситуации с событиями в личной жизни. Судьбы Родиона Раскольникова, Анны Карениной одних читателей оставляют безучастными, сторонними наблюдателями, других волнуют, тревожат, беспокоят.

Наиболее сложным в пострецепции чтения является суггестивный момент (лат. *suggestio* – внушение), т. е. внушающий, когда произведение как бы завораживает читающего. Суггестия издавна являлась органичной составляющей древних, фольклорных форм устного творчества, где ритмическая, лексическая организация заклинаний, плачей, заговоров строилась во многом на суггестии. В прозе суггестия как пострецепционный результат опосредованна, носит скрытый индивидуализированный характер; слово, повествование воздействуют часто на подсознание. Мы можем говорить о внушении, когда читатель хочет подражать герою, переносит образ его мыслей, поступки на свою реальную жизнь, следует им в своем поведении, отношении к другим и миру. Современный, к примеру, приключенческий или авантюрный роман также способен внушить читающему стремление к действию, веру в добро или зло как абсолют, свое превосходство над другими. Иногда предельная исповедальность повествования вкупе с авторитетностью автора для читателя приводят к необходимости или желанию следовать за своим кумиром не только в строе мыслей, но и в поступках. Пострецепционное удовлетворение может выражаться и в эмоциональной разрядке, когда текст становится искусственным стимулятором для возбуждения естественных потребностей: радости, жалости, гнева и т.п. Поскольку, в частности, и катарсис связан с областью эмоций, необходимы некоторые разъяснения. Эмоциональная разрядка как результат рецепции обусловлена в данном случае

доминированием желания читателя пережить некий комплекс эмоций пассивно, без усилий, вне действия «духа», вне столкновения противоположных аффектов (катарсис). Для большей иллюстративности прибегнем к понятию «комплекс старой графини». Поясним. В эпилоге романа «Война и мир» Лев Толстой нарисовал горестный портрет старой графини Ростовой, доживающей свой век в имении сына: «Так, как ей нужно было поработать желчью, так ей нужно было иногда поработать оставшейся способностью мыслить, и для этого предлогом был пасьянс. Когда нужно было поплакать, тогда предметом был покойный граф. Когда нужно было тревожиться, предлогом был Николай и его здоровье; когда нужно было язвительно поговорить, тогда предлогом была графиня Марья...» [6, с. 585]. Графиня сама для себя выработала «варианты» эмоциональной разрядки, в качестве которой с успехом могут служить соответствующим образом выбранные и литературные тексты, когда эмоция сублимируется не только в неподлинном, но и откровенно низкопробном. Нужно поугаждать – к услугам читателя роман ужасов; требуется умилиться – мелодрама; испытать жгучее ощущение тайны – ее предложит детектив и т. д. и т. п. «Плохих» жанров, разумеется, не бывает. Мы хотим лишь подчеркнуть, что для определенной части читателей, чем проще, доходчивее текст, чем прямее он служит цели, тем скорее достигается желаемая эмоциональная разрядка.

Восприятие текста сводится в конечном акте его прочтения и к обсуждению поступков, извлечению примеров. Данная пострецепция доминантна, когда, к примеру, речь идет об определенном воспитании литературой, например, в практике ее преподавания в школе. В системе моностилистической (несвободной) культуры, когда литература и ее преподавание во многом были идеологической функцией, результат чтения, сводимый к обсуждению поступков, извлечению примеров, являлся архиважным, часто превалировал в методике анализа произведений и классики, и, в особенности, литературы советской. Безусловно, недостаточно сводить анализируемую пострецепцию лишь к опыту «школьного» чтения. Многие тенденциозные тексты часто героцентричны, выстраиваются вокруг поступков героев, которые призваны являть пример для читающего. Но не только. Беллетристика, предназначенная для «легкого» чтения, доступная пониманию и осмыслению эстетически неподготовленным читателем, зачастую в пострецепционном результате тоже сводится к обсуждению поступков, извлечению примеров. Подобного рода литература дает обильный материал для данной пострецепции, когда читатель псевдожизненность, псевдоправдивость повествования склонен считать именно жизненной правдой. Более того, такой читатель «не идёт» дальше обсуждения поступков, извлечения примеров и при прочтении других книг, будь это «Анна Каренина» Л. Толстого, «Мастер и Маргарита» М. Булгакова или «Сто лет одиночества» Г. Маркеса.

Остановимся еще на двух возможных пострецепционных результатах чтения: расширении кругозора и эвристическом удовлетворении. Литература содержит богатейший материал об исторических, политических, географических, социальных и иных реалиях жизни человечества, стран, народов. Историческая романистика, например, не подменяя ни в коей мере историю как науку, несомненно, расширяет кругозор читающего, умножает его знания. Часто произведение литературы дает большее представление о времени, событиях, людях, нежели сочинения историков

или отражает и осваивает стороны жизни, труднодоступные науке. Тем более, что литература дает возможность определенное знание, синтезированное в художественной форме и содержании, распространить на огромную читательскую аудиторию. Информационное начало, расширяющее кругозор читателя, в разной мере может присутствовать в литературном тексте: преобладать или быть частью художественного целого, изначально доминировать или опосредованно нести определенную информацию, знания о каком-либо предмете, событии. Изображение, к примеру, военной кампании 1812 года в «Войне и мире» Л. Толстого – лишь часть, хотя и важная, сложной композиции романа-эпопеи. Текст же «Архипелага ГУЛАГ» А. Солженицына может пониматься и приниматься читателем в большей мере как информационный источник знаний об истории. Солидаризируемся с мнением Ж. Дюамеля, французского поэта и прозаика, что «роман, подлинно достойный интереса, – это тот, который не просто забавляет нас, но еще и – главным образом – помогает нам в познании жизни, истолковании мира» [2, с. 207]. Литературный текст может стать настоящим открытием, неожиданностью для прежнего опыта чтения. Такую пострецепцию обозначим как эвристическое удовлетворение. Как нам представляется, данная пострецепция особенно характерна для ситуаций переломных в истории общества. Таковой явилась, к примеру, социокультурная ситуация рубежа 80–90-х годов XX века. В живой литературный контекст тогда вошли многие произведения, не известные ранее читателю, в особенности массовому, ставшие для него открытием по причине новизны (подобного не читал) тем, образов, героев, стиля. Это, к примеру, «Москва – Петушки» Вен. Ерофеева, «Лолита» В. Набокова, «Это я – Эдичка» Э. Лимонова, «Улисс» Д. Джойса, «Москва – 2042» В. Войновича и другие.

Итак, мы рассмотрели и прокомментировали возможные посткоммуникативные результаты чтения художественного текста. Эти парадигмы пострецепции дают основание для определения, нахождения и функциональных значений чтения, т.е. его функций, которые, на наш взгляд, немногочисленны, ибо носят более обобщающий, ролевой, собирательный характер. Часто происходит подмена или неразличение функций, которые выполняет литература, и мотивов (предрецепция) обращения к ней или результатов прочтения текста (пострецепция). «Внутренняя» сущность функций чтения может быть выражена в его мотивациях и результатах (предрецепция, пострецепция). Понимая предмет литературы как объективно и субъективно представленную в художественной знаковой структуре реальность (весь мир), а недифференцированную цель как возможность литературы давать читателю ощущение полноценности жизни, внутренней комфортности и т.п., можно говорить, по нашему мнению, о двух основных функциях: 1) непосредственной – компенсаторно-восполняющей; 2) опосредованной – воспитательной.

Какую бы, например предрецепционную или пострецепционную, сторону чтения мы не рассматривали, так или иначе, речь может идти о восполнении и/или компенсаторности. Получает ли читатель информацию из текста, познает ли через него какие-то стороны бытия, ищет ли ответы на волнующие вопросы, эмоционально переживает описанное, получает ли наслаждение от стиля и т.д. он восполняет свой интеллектуальный, культурный, психологический, эстетический опыт или компенсирует нереализованное, неосуществлённое в реальной жизни

через акт чтения. Опосредованная функция чтения – воспитательная. Воспитание в любой его форме – процесс длительный, завуалированный, дающий результаты не сразу. Чтение в этом смысле тоже не исключение. Книги формируют личность. Однако, учитывая характер и специфику воспитательной функции, мы ограничимся лишь ее констатацией.

Библиографические ссылки

1. Выготский Л. С. Психология искусства / Л.С. Выготский. – М.: Педагогика. –1987. – 344 с.
2. Дюамель Ж. Доставить читателю удовольствие // Человек читающий. Homo legens. М.: – Прогресс, – 1990. – 720 с.
3. Ильин И. П. Между структурой и читателем: Теоретич. аспекты коммуникативного изучения литературы / И.П. Ильин // Теории, школы, концепции: (Крит. анализ). Худож. рецепция и герменевтика. М., 1985 – 343 с.
4. Лотман Ю. М. Литературная биография в историко-культурном контексте / Ю. М. Лотман // Избранные статьи: В 3 тт. Таллинн, 1992. – Т. 1. – С. 365-376.
5. Науман М. Литературное произведение и история литературы / М. Науман. – М.: Радуга. – 1984 – 424 с.
6. Толстой Л. Н. Война и мир. Собрание сочинений: в 3 т. / Л.Н. Толстой. – М.: 1980. – Т.2. с. 321.
7. Яусс Х. Р. К проблеме диалогического понимания [Электронный ресурс]
8. Х.Р.Яусс. – Режим доступа к ист.: http://www.bim-bad.ru/biblioteka/article_full.php?aid=1228
9. Iser W. Der Akt des Lesens. Theorie ästhetischer Wiltanig / Wolfgang Iser. –München, 1976. – S. 7, 9.
10. Jauss H. R. Literaturgeschichte als Provokation der Literaturwissenschaft / Hans Robert Jauss. – Konstanz, 1967. – 327 s.

Надійшла до редколегії 27.04.11

УДК 821.161.1

М. Н. Ивахненко

г. Горловка

ФУНКЦИЯ ИНОЯЗЫЧНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В. АКСЕНОВА

Розглядаються особливості стилю В. Аксьонова, аналізується наявність у його творах іншомовних запозичень як засобів виразності.

Ключові слова: іншомовні запозичення, індивідуальний стиль, стилістичні особливості, мовна гра.

Рассматриваются особенности стиля В. Аксенова, анализируется наличие в его произведениях иноязычных заимствований как средств выразительности.

Ключевые слова: иноязычные заимствования, индивидуальный стиль, стилистические особенности, языковая игра.

The special features of V. Aksenov's style and manner of writing are considered. The presence of English borrowings in his novels as a way of expressiveness is analyzed.

Key words: foreign borrowing, individual style, stylistic peculiarities, language game.

Творческое наследие выдающегося русского писателя В. Аксенова представляет интерес не только для литературоведов. Его рассказы, повести и романы очень часто привлекают внимание лингвистов. Тот факт, что писатель больше двадцати лет прожил в Америке, конечно, не мог не повлиять на индивидуальные особенно-